

РОБЕРТ ГРЕЙВЗ Стихи о любви

Вступление и перевод АНДРЕЯ СЕРГЕЕВА

Бывают поэты, с первого выступления которых читателю и критике становится ясно, что в литературу пришел новый, значительный талант. Однако слава у поэта негромкая, он пренебрегает литературной модой, живет вдали от шумного света, скромно и уверенно выполняя свою поэтическую миссию. И лишь когда в сознании читателя накопится достаточное количество (кто знает какое?) его стихотворений, о таком поэте начинают говорить все, происходит его не то чтобы второе рождение, скорее, второе открытие, критика дает ему должную оценку и определяет его место в литературе. (И как часто это бывает посмертно!) Такая судьба и у крупнейшего английского поэта наших дней Роберта Грейвза. Впервые он выступил в печати полвека назад, был замечен и с тех пор неизменно включался во все лучшие антологии современной английской поэзии. Время шло, книга следовала за книгой, и когда в 1959 году (не в первый раз!) в Англии вышел однотомник его избранных стихотворений, все вдруг поняли: вот он наш главный, наш любимый поэт, лучший продолжатель классических традиций.

Роберт Грейвз родился в Лондоне в 1895 году, учился в Чартерхаузе и Оксфорде. Во время первой мировой войны служил в полку Валлийских стрелков, и в день, когда ему исполнился 21 год, родные в Англии получили известие о том, что он погиб на поле боя. К счастью, это оказалось ошибкой. После войны он преподавал английскую литературу в Оксфордском и Каирском университетах, а в 1929 году, когда понял, что может прожить одним литературным трудом, оставил преподавание и удалился на Майорку, где, за вычетом военных лет, живет по сей день. Роберт Грейвз много путешествует, читает лекции об английском языке и поэзии. В 1961 году его избрали на почетный пост профессора поэзии Оксфордского университета.

Роберт Грейвз — поэт, романист, литературный критик, историк. В его кабинете два с половиной погонных метра полок заняты его собственными произведениями. Его перу принадлежат популярные исторические романы «Я, Клавдий» (1934), «Клавдий — бог» (1934), «Граф Велизарий» (1938), «Жена господина Мильтона» (1943), «Золотое руно» (1944) и другие. Это остроинтересные романы, написанные на материалах античности, средневековья и времен английской революции. Сам автор относится к ним иронически и даже как-то сказал, что пишет стихи для друзей, а прозу — для денег. Действительно, не романы занимают ведущее место в творчестве Грейвза. Большим литературным событием в Англии была его «Белая богиня» (1948) — сравнительное исследование мифологии Древнего Востока, Эллады и друидской Британии, которое автор назвал исторической грамматикой поэтической мифологии. Недавно вышли в свет оксфордские лекции Роберта Грейвза «Принципы поэтического мастерства» (1967), незаменимое пособие для всех изучающих английскую поэзию. В настоящее время поэт заканчивает перевод полного «Рубайата» Омара Хайама. «Это важная работа, — пишет Грейвз, — потому что на Западе сложилось о нем ложное представление как о поэте пьянства и разгула, в то время как он поэт возвышенной любви». Роберт Грейвз не только поэтом, взялся за перевод «Рубайата». Поэта живо волнует одна из важнейших проблем современности — упадок нравов европейской молодежи. В своих стихах — а стихи, несомненно, лучшее, главное из написанного им — он исследует, по-новому разрабатывает вечную тему любви. Он пишет: «Больше всего меня увлекает «поэтическая» (или «романтическая») любовь, возможность ее существования в современном мире с его механическим подходом к человеческим отношениям. На Западе живые силы любви растрачиваются попусту. «Романтической» я

называю любовь, которая выходит за пределы как простой привязанности, так и культа секса. Такую любовь нельзя регламентировать, она возвышает духовные и физические силы личности — даже у немолодого человека!»

Высокой любовной лирикой в эпоху упадка этических ценностей Грейвз утверждает духовное достоинство человека. Поэт работает в ту эпоху, когда английская поэзия в значительной мере утратила непосредственность и певучесть, стала «софистикейтед», то есть головной, сверхинтеллектуальной, перенасыщенной данными науки, политики и т. д. Грейвз никогда не был «софистикейтед», его творческий путь — от публицистического антимодернизма в стихах и эссе к простоте и непосредственности лирики, цельности и музыкальности, только музыкальности не традиционных размеров, а живой высокой разговорной речи. В его поэзии мы найдем отголоски как классической традиции, так и фольклора — шотландского и ирландского. Он не боится иногда быть даже старомодным, лишь бы сказанное точно отвечало замыслу. Он смело включает в стихи античную мифологию, которая вместе со Средиземноморьем и Испанией органично вошла в его майоркскую жизнь. За последние годы поэт выпустил несколько поэтических сборников, которые, по единодушному мнению англо-американской критики, объединяют лучшие его стихотворения.

Русский читатель знает лишь детские стихи поэта (сборник «Скрипка за пенни», издательство «Детская литература», Москва, 1965 год). Лирика Роберта Грейвза на русском языке публикуется впервые.

Везде — значит здесь

Обменявшись взорами, окружившись
Я — тобой, а ты — мной, мы нарушили
Логикy, чтобы понять друг друга,
И, прощаясь, мы не глотаем слезы,
А веселимся.

Туман сгущается,
Но беспечных два листика, золотой и зеленый,
Кружатся рядышком, даже порхают
Средь безветрия, медлят и опускаются
Двойной звездой, золотой и зеленой.

Везде — значит здесь, ибо мы нарушили
Закон геральдической близости, взяв
Гербом любви четырехкрылого орла
(Пары крыл обменялись финифтями) —
Такому земная скала не пристанище.

Объятие

Лесная нимфа, лишь ради которой
Птицы поют, их голоса обнимает,
Но не ведет капеллы; даже когда
С зарей мы проснемся от дудок, флейт и свистков,
Изумляясь птичьему дару импровизации —
Каждая свищет словно случайно, каждая
Только по-своему — все же ни разобоя,
Ни сольного шегольства — пусть виртуозного, —
Каждая вольно, каждая от любви.
Редкий миг тишины кажется звуком
Скорее, чем паузой вдоха или раздумья...
Дважды музыка эта звучать не может.

Нет дома

Дом ее возвышался в конце беркширской аллеи,
Высокий и одинокий. Она меня ожидала,
И я подходил с легким сердцем и легкой стопой,
Еще от калитки заметив, какой чистотою
Лоснились ступеньки, как ярко сверкал на двери
Молоток, ожидая, что я им сейчас постучу.
Прыжок — и я был на крыльце, постучал
и прислушался,
Готовый услышать шелест ее приближенья...

Ни ответа, ни звука. Я ждал три долгих минуты
И, себя удивив, не спеша сошел на дорожку
И взглянул на трубы над крышей. Дыма не было.
И занавески — что, ими закрылись от солнца
Иль от чего-то еще? Я взглянул за ограду
На ее ухоженный сад, отягощенный цветеньем
(Пасха в тот год запоздала, весна была ранней),
И увидел садовника у парниковых рам.

— Послушайте, разве леди нет дома?
— Нет, сэр.
— Она же меня ожидала. Моя фамилия Лайон.
Записки она не оставила?
— Нет, сэр.
— Надеюсь, с ней ничего не случилось?
— Нет, сэр...
Правда, казалось, она озабочена чем-то.
Вероятно, семья, сэр.
— А есть у нее семья?
— Не могу вам сказать... Казалось, она
растревожена,
Сама не своя, если так позволительно выразиться.
— Но записки она не оставила?
— Нет, лишь просила
Передать, что будет отсутствовать месяц
Или больше и возвратится к июлю,
И, пожалуйста, просит ее не разыскивать.
И еще она что-то сказала насчет терпенья.

Солнце зашло, серый ветер тряхнул лепестки,
Пыль взметнулась, глядели слепые окна...
И все же я чувствовал, повернувшись к калитке,
Как глаза ее в щелку меж шторами жгут мне
спину,
По-прежнему любящие глаза.

Свидание

Объятый неверием, я следил
За открывавшейся дверью —
Не шутка ль ночного ветра?

Ты казалась лучом луны
Перед закрывшейся дверью —
Разве ты не роняешь тени?

Слова твои были едва слышны,
Шаги — как паденье листьев,
И я все еще не верил.

Лицо твое было печаль и свет —
Такие лица в горах
Видятся пастухам.

Сомнения словом развеять легко,
Но я в изумленье дрожу —
Почему это счастье — мне?

Дикий цикламен

Спросила тихо: — Чем тебе помочь? —
Я протянул ей лист бумаги: — Нарисуй цветок!

И закусив губу, она склонилась —
О этот смуглый лоб! — над белою бумагой
И мне нарисовала дикий цикламен,
Майоркский, наш (пока ему не время),
Чрезмерно пышный, и с улыбкой
Пустила мне по воздуху рисунок:

— Не получилось! — Я же чувствовал,
Как комнату заполнил запах цикламена.
Она ушла. Я спохватился вдруг,
Что я хочу ее улыбкой улыбнуться,
Сверкнуть глазами, как она, — о, тщетно, тщетно!
И я забылся: у меня был жар,
И врач ее впускал лишь на мгновенье.

Крылатое сердце

Когда ты ушла, я хотел почитать газету,
Но слова разбегались, и я их не стал удерживать,
И вдруг ощутил, что сердце мое расправляет крылья.

Один в этом доме под щедрым, добрым дождем
После самим дьяволом насланного сирокко,
Чьи паруса до сих пор вздувались в долине, —

О, как он выл, как бил ветви олив!
Мы страдали от засухи с первых чисел апреля,
А теперь был уже глубокий октябрь.

Что еще я мог бы сказать тебе?
Того, что сказано, я не могу вернуть,
Не потряся до основ огромное мирозданье.

Проклятье мертвой рукой опустилось на нас,
Мы выдохнули добро и вдохнули зло,
И нам не осталось выхода, кроме

Безумного расточительства первой встречи,
Когда мы не думали, что и как,—
И твоя уверенность стала моей уверенностью.

И спокойный небесный свет превратил в эфир
Скалы окрест и мокрые от дождя наши лица —
А за это не жалко платить целым веком горя!

Женщина-птица

Непросто быть мужчиной,
Который верен слову,
А любит эту женщину.

Ведь он живет ее
Случайным обещаньем,
Она же так беспечна.

Чем он серьезней просит
Исполнить обещанье,
Тем чаще их размолвки.

Но разве проще быть
Изменчивою женщиной,
Крылатой, словно птица,
И по своей беспечности
Любить того мужчину?

Рубин и аметист

Их две: одна добрее хлеба,
Верна упряму мужу,
Другая мирры благовонней,
Верна одной себе.

Их две: одна добрее хлеба
И не нарушит клятвы,
Другая мирры благовонней
И клятвы не дает.

Одна так простодушно носит
Рубин воды редчайшей,
Что люди на него не смотрят,
Считая, мол,— стекляшка.

Их две: одна добрее хлеба,
Всех благородней в городе,
Другая мирры благовонней
И презирает почести.

На ней блистает аметист,
И в нем такая даль,
Что можно там бродить часами —
Бродить и заблудиться.

Вокруг чела ее круги
Описывает ласточка —
И это женственности нимб
И нераскрытость тайны.

Их две: одна добрее хлеба
И выдержит все бури,
Другая мирры благовонней,
Все бури в ней самой.

Тайная страна

Каждая царственная женщина владеет
Тайной страной, которая для нее
Реальней нашего бледного мира:

В полночь, когда дом затихает,
Она откладывает иглу или книгу
И, невидимая, идет по стране.

Закрыв глаза, она воздвигает
В березовой роще глухую стену,
Открывает ворота, предъявляет права.

А затем бежит, скачет верхом,
(Конь, конечно, явился сам),
Путешествует, где захочет,

Повелевает траве расти,
Выманивает лилии из бутонов,
Кормит рыбок из рук,

Строит деревни, сажает роши,
Благословляет долину ручьем,
Несущим прохладу к заливу.

Любимую я никогда не спрашивал
Об образе правления ее королевства,
О мудреной его географии,

И не крался за ней в березы,
И не сидел на железных воротах,
Всматриваясь в туман.

И, может, за это она обещала,
Что, когда я умру, у меня будет дом
Рядом с ее дворцом — в лесу
Среди колокольчиков и левкоев —
И когда-нибудь мы там встретимся.